

держатся за «земное», — я получил отказ. Как ни неприятно мне обращаться к тебе, — ведь твой собственный кошелек пустеет, — мне не остается иного выбора. Если 20 фридрихсдоров слишком большая сумма для тебя, то пришли меньше. Деньги же вычти впоследствии у Дункера.

Вышла ли брошюра Энгельса¹?

Я обстоятельно напишу тебе отсюда на будущей неделе (на этой неделе у меня абсолютно нет времени). Пока прими мою благодарность как за драму², так и за сопроводительное письмо.

Привет.

Твой К. М.

*Впервые опубликована в книге:
F. Lassalle. «Nachgelassene Briefe und
Schriften». Bd. III. Stuttgart—Berlin, 1922*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

32

МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ
В БЕРЛИН

Лондон, 19 апреля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Я не посылал тебе особого извещения о получении 14 ф. ст. 10 шиллингов, потому что письмо было заказное. Но я написал бы тебе раньше, если бы меня не посетил проклятый «кузен из Голландии»³, самым безжалостным образом присвоивший себе мое «прибавочное рабочее время».

Теперь он уехал, и я снова вздохнул свободно.

Я получил письмо от Фридлендера⁴. Условия не так благоприятны, как сообщенные тебе вначале, но все же «приличны». Как только мы договоримся по некоторым второстепенным пунктам, — я думаю, что это будет на этой неделе, — я начну писать для него.

Здесь, в Англии, классовая борьба развивается самым обнадеживающим образом. К сожалению, в данный момент не существует больше ни одной чартистской газеты, и потому вот уже

¹ Ф. Энгельс. «По и Рейн». Ред.

² Ф. Лассаль. «Франц фон Зиккинген». Ред.

³ — Юта. Ред.

⁴ См. об этом настоящий том, стр. 340 и 479—480. Ред.

около двух лет, как я вынужден был прекратить свое литературное участие в этом движении.

Перехожу теперь к «Францу фон Зиккингену». Прежде всего я должен похвалить композицию и живость действия, а это больше, чем можно сказать о любой современной немецкой драме. Во-вторых, если оставить в стороне всякое чисто критическое отношение к этой работе, она при первом чтении сильно взволновала меня, а, следовательно, на читателей, у которых в большей мере преобладает чувство, она в этом смысле подействует еще сильнее. Это второе, очень важное обстоятельство.

А теперь другая сторона медали. *Во-первых* — это чисто формальный момент, — раз уж ты писал стихами, ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно. Впрочем, хотя *профессиональные поэты* и будут шокированы этой небрежностью, я в общем считаю ее преимуществом, так как у наших поэтов-эпигонов не осталось ничего, кроме формального лоска. *Во-вторых*. Задуманная тобой коллизия не только трагична, но она есть именно та самая трагическая коллизия, которая совершенно закономерно привела к крушению революционную партию 1848—1849 годов. Поэтому я могу только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии. Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобой тема для изображения этой коллизии? Бальтазар^{*}, конечно, может воображать, что если бы Зиккинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую распрю, а поднял знамя борьбы против императорской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию? Зиккинген (а вместе с ним в известной степени и Гуттен) погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего или, вернее, против новой формы существующего как *рыцарь* и как *представитель шибнущего класса*. Если отнять у Зиккингена то, что свойственно ему как личности с ее особыми природными склонностями, образованием и т. д., то останется Гец фон Берлихинген. А в этом *жалком* субъекте воплощена в ее адекватной форме трагическая противоположность между рыцарством, с одной стороны, и императором и князьями — с другой, и потому Гете был прав, избрав его героем^{**}. Поскольку Зиккинген, — а отчасти и сам Гуттен, хотя у него, как и у всех идеологов определенного класса, подобные высказывания должны были выражаться в значительно измененной форме, — выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора

^{*} — персонаж драмы Лассаля «Франц фон Зиккинген». *Ред.*

^{**} Гете. «Гец фон Берлихинген». *Ред.*

рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон-Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание. То, что он начинает мятеж под видом рыцарской распри, означает только, что он начинает его *по-рыцарски*. Чтобы начать его по-иному, он должен был бы непосредственно, и притом с самого же начала, апеллировать к городам и крестьянам, то есть как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства.

Следовательно, если ты не хотел свести коллизии только к той, что изображена в «Гёце фон Берлихингене», — а твой план состоял не в этом, — то Зиккинген и Гуттен должны были погибнуть, потому что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Гёце) и совершенно так же, как *образованное* польское дворянство 1830 г., стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а, с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса⁶²¹. Следовательно, не надо было допускать, чтобы весь интерес сосредоточивался, как это происходит в твоей драме, на *дворянских* представителях революции, за чьими лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве, а наоборот, весьма существенный активный фон должны были бы составить представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов. Тогда ты также мог бы в гораздо большей степени высказывать устами своих героев как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается, в сущности, кроме *религиозной* свободы, гражданское *единство*. Тебе волею-неволею пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски*, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон Зиккингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?

Далее, в обрисовке характеров не хватает как раз характерных черт. Исключениями являются Карл V, Бальтазар и Рихард Трирский. А между тем, найдется ли эпоха с более резко очерченными характерами, чем XVI столетие? Гуттен, по моему мнению, уж слишком воплощает в себе одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время умница и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?

До какой степени сам твой Зиккинген, обрисованный, кстати сказать, тоже слишком абстрактно, является жертвой колли-

зии, не зависящей от всех его личных расчетов, видно из того, как ему приходится, с одной стороны, проповедовать своим рыцарям дружбу с городами и т. д., и как охотно, с другой стороны, сам он применяет к городам нормы кулачного права.

Что касается частных, то местами мне не нравятся излишние рассуждения отдельных лиц о самих себе, что проистекает от твоего пристрастия к Шиллеру. Так, например, на стр. 121, где Гуттен рассказывает Марии историю своей жизни, было бы совершенно естественно, если бы ты заставил Марию сказать именно на это:

«Вся гамма ощущений»

и т. д. до

«И тяжелей она, чем бремя лет».

Предшествующие этому стихи, от «говорят» до «состарилась», могли бы следовать *после* этого, но рассуждение «Довольно ночи, чтоб девушка развиться в женщину могла» (хотя оно и показывает, что Мария знает не одну только абстракцию любви), совершенно излишне; во всяком случае, Мария не должна была начинать свою речь с размышления о том, что сама она «старится». После ее слов о том, как много ей рассказано в «один» этот час, она могла бы дать общее выражение своим чувствам в словах о том, что она постарела. Далее, в следующих за этим строках меня шокирует фраза: «Сочла я это» (то есть счастье) *«правом»*. К чему было отнимать наивное представление о мире, которое, как утверждает Мария, она имела до сих пор, превращая его в правовую доктрину? В другой раз я, может быть, изложу тебе свое мнение более подробно.

Особенно удачной я считаю сцену между Зиккингеном и Карлом V, хотя диалог и с той, и с другой стороны слишком смахивает на прения сторон в суде. Далее, удачны сцены в Трире. Очень хороши сентенции Гуттена о мече.

Ну, на этот раз довольно!

В лице моей жены ты приобрел горячую поклонницу твоей драмы. Она недовольна только Марией.

Привет.

Твой К. М.

Кстати. В брошюре Энгельса «По и Рейн» имеются грубые опечатки, список которых я прилагаю на последней странице этого письма⁶²².